

# Глобальная геоэкономическая архитектура: предопределенность кризиса и вектор трансформаций

Евстафьев Д. Г.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Российская Федерация; estd1212@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-6276-0342

## РЕФЕРАТ

Острота современного кризиса глобальной политической и экономической архитектуры определяется двумя факторами: глубокой деградацией национальных систем политического и экономического управления и незавершенности строительства геоэкономической системы, адекватной состоянию глобальной политики. Синергия данных двух факторов создавала эффект хаотизации экономически значимых географических и «секторальных» (отраслевых) пространств. Этим и объясняется относительная легкость разрыва целого ряда связей экономической взаимозависимости, раньше считавшиеся критическими.

## Актуальность

Актуальность предлагаемого исследования обуславливается вхождением системы глобальной политики и экономики, частью которой является Россия в период глубоких трансформаций архитектуры мировой экономики, что повышает значимость их оценки в исторической перспективе. Целью статьи является вскрытие ключевых механизмов, используемых США и транснациональными элитами для управления глобальными геоэкономическими процессами в период перехода к геоэкономической регионализации.

## Методы

В статье представлены некоторые результаты исследования, осуществляемого автором с 2019 г. Его промежуточные результаты неоднократно апробировались на научных и общественно-политических платформах. Работа представляет собой авторское обобщение опыта глобальных геоэкономических трансформаций, выраженных в изменении принципов институционализации. Работа осуществлена на базе анализа широкого круга зарубежных экономических источников и анализа оценок перспектив развития глобальной геоэкономической архитектуры.

## Результаты

Главный научный результат статьи — реконструкция методом обратной дедукции, планировавшейся для периода зрелой американоцентричной глобализации, геоэкономической архитектуры. Выявляются «точки разрыва» относительно целостного геоэкономического пространства, в которых может с высокой степенью вероятности быть реализован инструментарий «силовой геоэкономики». Формулируются варианты посткризисной институционализации экономической архитектуры в мире неоглобальности.

## Перспективы

Статья является стартовой для обсуждения вопроса о возможности и механизмах стабилизации глобальной геоэкономической архитектуры через восстановление геоэкономической полупериферии. Формируется новое понимание геоэкономической полупериферии, как специфического сегмента мировой экономики, дополняя уже появившиеся в России и на Западе проработки основных параметров новой экономической географии неоглобального мира. Статья лежит в русле исследований относительно перспектив развития процессов регионализации в современном мире. Статья носит характер научно-исследовательской апробации промежуточных результатов исследования. Изложенные в статье выводы позволяют уточнить возможное место России в перспективной глобальной геоэкономической архитектуре с учетом тенденций, оформившихся в 2022–2024 гг.

**Ключевые слова:** экономическая периферия, полупериферия, геоэкономическая взаимозависимость, инвестиционный капитализм, транснациональные компании

**Для цитирования:** Евстафьев Д. Г. Глобальная геоэкономическая архитектура: предопределенность кризиса и вектор трансформаций // Управленческое консультирование. 2024. № 2. С. 32–49.

## The Architecture of the Global Geo-Economics: Pre-Determination of the Crisis and the Vector of Transformations

*Dmitry G. Evstafiev*

Higher School of Economics; Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation; estd1212@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-6276-0342

### ABSTRACT

#### Introduction

The dramatic nature on contemporary crisis of global political and economic architecture is determined by two factors: the deep degradation of nation-state systems of political and economic management and unfinished construction of the new system of global geo-economics relevant to the ongoing political transformations. The synergy of the two factors formed the effect of chaotization of economically important geographic and sectorial industrial environments. That factors explains the fact that the economic interdependence interrelationships that were regarded earlier as critical were dismantled so easy.

#### Purpose and Importance

The significance of the research is emphasized by starting phases of structural transformations of the system of global politics and economics that we witness at this point taking into consideration that Russia is a part of the global system despite the special status of the country. And it is necessary to address the on-going changes and a historical process. The goal of the article is to deconstruct the underling mechanisms that US and transnational elites use to manage the global geo-economic trends through the transition to system of economic regionalization.

#### Methods

The article is part of the research that author conducts since 2019. The intermediate results of the study were published in several major scientific, political and discussion platforms. The taken article is based upon the generalization of the experience of the global geo-economic transformations that are reflected in the different formats of the institutionalization. The analysis involves a wide circle of analytical and experts' assessments regarding the perspectives of development of the global economic architecture.

#### Results

The main scientific result of the article is to reconstruct the global geo-economic architecture that was planned for development in the period of mature America-centric globalization. The critical breakpoints that jeopardized the integrity of the global geo-economic environment are formulated. And in those breakpoints the scenario of «force geo-economics» can be employed. The variants of the post-crisis re-institutionalization in the neo-global world are outlined.

#### Development and discussion

The article is the means to outline for the discussion the authors' conclusion that are based upon the reflection of the period of dismantlement of the economic system of the mature globalization. The research creates a basis for clarification of the perspective status of the geo-economic periphery and semi-periphery which becomes a vital segment of the world economy. The article supplements the research emerged in Russia and in the West that addresses the issue of the new economic geography of the neo-global world. The article also gives the opportunity to clarify the perspective niche that Russia can occupy in the perspective geoeconomic architecture.

**Keywords:** periphery of the global economy, semi-periphery, interdependence, investment capitalism, transnational corporations

**For citing:** Evstafiev D. G. The Architecture of the Global Geo-Economics: Pre-Determination of the Crisis and the Vector of Transformations // Administrative consulting. 2024. N 2. P. 32–49.

## Вместо введения: геоэкономическая архитектура глобальной турбулентности

Определяющим элементом кризиса глобализации стала фрагментация классической триады глобального мира: «технологическое и инвестиционное ядро» — «ресурсно-промышленная полупериферия» — «ресурсно-сбытовая периферия». Эта структура была вполне адекватна развитию глобального капитализма при сохранении баланса между потребительским, промышленным и финансово-инвестиционным сегментами, когда ресурсы, включая и инвестиционную ренту, распределяются относительно сбалансированно, обеспечивая в «догоняющую» социально-экономическую модернизацию, под которой понималось сближение стандартов потребления развитого и развивающегося мира [18, p. 61].

Такая структура, определявшая в том числе и модель развития глобальной экономики в целом, безусловно, имела издержки, предопределившие торможение догоняющего социального развития стран периферии и полупериферии по мере исчерпания потенциала пространственного расширения капитализма, породившим структурный кризис «ядра глобализации», традиционно отождествлявшегося с так называемым «атлантическим миром»<sup>1</sup>. Неизбежным следствием стало возникновение внутри формально единых политико-экономических систем, развивающихся асимметрично, — по темпу и характеру экономической базы. Политически этим аспектом развития пытались управлять в рамках концептуальной декларации безгосударственного мира [13]. А с точки зрения социально-экономических асимметрий — через концентрацию социально-экономического потенциала в «глобальных городах» [8; 11]. Но в полной мере это не удалось, что на рубеже 2020-х годов привело к формированию анклавов социальной архаики, перерастающих в социально-экономическую в крупнейших городах (Париж, Брюссель, Берлин), относившиеся традиционно к категории «глобальных».

Пресловутый «социальный разрыв» в России вырос из социальных противоречий, сформированных «промежуточным» статусом нашей страны: уже не промышленная полупериферия, еще не ресурсная периферия, и результирующего из этого сосуществования социальных страт с различным режимом доступа к «ренте глобализации» хотя *тенденции на 2012–2013 гг. обозначали близкую к необратимой деиндустриализацию на горизонте 2025 г.*<sup>2</sup>. «Крымская весна» и последующая конфронтация с Западом эти тенденции до известной степени смягчила, заставив запустить процессы ре-индустриализации (в формате первичного «импортозамещения»), но не отменила, что и было доказано затуханием «второй» и «третьей» волн «импортозамещения». Полноценная волна ре-индустриализации началась только после начала Специальной военной операции в феврале 2022 г., когда Россия оказалась окончательно вырвана из традиционной для себя системы экономических взаимоотношений. *Но это было связано, прежде всего, с началом коренного слома геоэкономической архитектуры в мире в целом и, в значительной мере, возрождением промышленной полупериферии за счет силовой геоэкономики «ревизионистских государств» второго ряда.*

<sup>1</sup> Базовым сценарием трансформаций остается институциональный распад нынешней архитектуры политических и экономических отношений [22], финализирующей формирование новой политэкономической географии [21]. Но пока еще актуальна институциональная система и в политике, и в экономике была, если разобраться, сервисной по отношению к американоцентричной модели экономики. Ее пространственной опорой был «атлантический мир», имевший свои «продолжения» (как правило — корпоративные) в других регионах (Китай, Ближний Восток, новые индустриальные центры Дальнего Востока и т. п.).

<sup>2</sup> Гурова Т., Ивантер А. Мы ничего не производим // Эксперт. 26 ноября 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://expert.ru/expert/2012/47/myi-nichego-ne-proizvodim/?ysclid=lghe617u7i153320567> (дата обращения: 21.01.2024).

Начиная с середины 2000-х годов эта относительно устойчивая система, основанная концептуально на мир-системном подходе (подразумевавшем расширение гибкости в форматах управления «большими геоэкономическими системами», управляемые конфликты «с ненулевой суммой» между ними [3; 15], но также требовала устойчивых институтов, заменялась менее управляемой, но более соответствовавшей интересам финансово-спекулятивного капитализма. Но другим источником появления такого мировосприятия было концептуальное изменение: вместо мир-системности в качестве основы анализа и управления среднесрочными геоэкономическими проектами стала выступать изначально воспринимавшаяся как маргинальная концепция «плоского мира», отражавшая радикал-либеральные подходы к социально-экономическим и социокультурным процессам, но начала использоваться в качестве идеологической основы для конструирования социально-экономической сферы [17; 20]. Конструирование подобного не просто постпространственного, но «плоско-пост-пространственного» мира требовало преодоления не только социокультурных [12], но и социально-экономических идентичностей. Это было принципиально невозможно без полного демонтажа экономического суверенитета.

В этой связи представляется возможным выдвинуть следующую гипотезу.

*Острота нынешних глобальных трансформаций определяется незавершенностью попытки переформатирования глобальной геоэкономической архитектуры, начатой в период после финансового кризиса 2007–2009 гг. и не получившей полноценной, системной институционализации в результате внутреннего элитного кризиса в США и необходимости осуществления экстренных мер по консолидации Запада.*

### Архитектура глобального кризиса

Архитектура, проектировавшаяся в рамках нового понимания мировой экономики, находившаяся на рубеже 2021–2022 гг. в зрелой фазе переформатирования, выглядела следующим образом.

**Финансово-инвестиционное «ядро»** с центром на Атлантическом побережье США, хотя и в отношении этого «ядра» допускалась возможность сетевизации, то есть превращения его в просто высоко защищенное, как политико-юридически, так и финансово, в пространство для базирования крупнейших «глобальных» компаний, а главное — местоположение «финтеховского инструментария», используемого в синергии с возможностями США как государства. Борьба в 2017–2021 гг. развернулась вокруг того, кто будет управлять этим «ядром»: государство, пусть даже подчиненное интересам олигархии, или глобальные корпорации напрямую. От этого зависело, насколько США сохранятся как целостное иерархическое государство. Или же превратятся со временем в объект общеглобальных процессов сетевизации и демонтажа национальных государств. Проявлением этой борьбы была попытка Д. Трампа «осушить вашингтонское болото» — гибридное политическое пространство, обеспечивающее взаимопроникновение бизнеса и власти. Но и после его поражения на выборах 2020 г., администрация Дж. Байдена летом 2021 г. попыталась дать бой «цифровикам-глобалистам», если не проигранный, то явно не выигранный в результате внутренней деградации политической власти в США.

**Постиндустриальные хабы ТНК**, обеспечивающие монетизацию торговой и сырьевой ренты, а в долгосрочном плане формирующие альтернативный контур управления странами и регионами. Это были функциональные продолжения метрополии, уже адаптированные под конкретное пространство. В качестве таких пространств на первом этапе выступали классические постиндустриальные «фактории» (Гонконг, Сингапур, Роттердам, Дубай, Бейрут). На более поздних этапах развития таковыми вполне могли стать и некоторые государства — например, страны Бенилюкса, дей-

ствовавшие в условиях «размягченной государственности» уже длительное время. Одновременно Польша претендовала на то, чтобы стать управленческим «хабом» ТНК, сориентированных на управление активами в западной части Евразии, но стремясь сохранить относительно высокую плотность государственного управления на базе национализма и милитаризации. Именно в Польше размещались восточно-европейские штаб-квартиры крупнейших глобальных корпораций.

**Промышленно-технологическая (предпостиндустриальная) полупериферия.** На ее базе формировалась бы система конкурирующих экономических центров. Арбитром в отношениях между ними выступала бы «метрополия» (как в лице США, так и в лице глобализированных экономических систем). Отсюда и постоянное акцентирование в 2000-е и 2010-е темы «мягкой силы», фактически приватизированной транснациональными системами<sup>1</sup>. Появление такой геоэкономической категории можно считать косвенным признанием неизбежности регионализации глобальной экономики. Центры промышленно-технологической полупериферии обладали бы определенной свободой маневра в мировой торговле и инвестициях. На статус центров такой периферии в системе «коллективного Запада» претендовали Великобритания, Франция и Германия, конкурируя между собой. Относительная самостоятельность этой «страты» выражалась в трех позициях:

- возможность локальной интерпретации глобальных, установленных США технологических стандартов в пространственно реализуемых системах. Монополия на управление и технологии развития надпространственных систем твердо оставалась бы за США<sup>2</sup>;
- наличие собственных, относительно независимых от США эмиссионно-инвестиционных возможностей. Это был самый сложный в реализации пункт, закладывавший в будущую систему очевидные противоречия. Это стало *неизбежным следствием признания необратимости процессов геоэкономической регионализации и стремления придать ее финансово-инвестиционной составляющей контролируемость*;
- наличие собственного потенциала обеспечения «контура безопасности». Франция и Великобритания в данной связи действовали схоже: развивали потенциал проецирования силы с опорой на военно-морские вооружения. Германия в военном плане, очевидно, деградировала, что и предопределило почти мгновенную утрату ей статуса общеевропейского лидера в момент возникновения военно-политического кризиса в Европе, связанного с проведением Россией специальной военной операции.

**Промышленная периферия.** В эту «страту» вытеснялся помимо так называемых «новых индустриальных стран» развивающегося мира и ряд стран «коллективного

<sup>1</sup> Для перелома ситуации «метрополии» в лице США как государства, конкурирующего с сетевыми структурами, пришлось переходить к более жестким элементам влияния в отношении своих партнеров, выходивших за рамки «мягкой силы», что вызвало непонимание у многих экспертов [23]. Но это было естественным проявлением принципиального изменения системных связей внутри полупериферии мира глобализации, отражавшем перестройку его внутренних связей.

<sup>2</sup> Этим объясняется жесткость реакции США на попытки Китая создать собственную систему информационных цифровых платформ, где флагманской был Тик-Ток. Это создавало как неконтролируемую США цифровую над-пространственную платформу, так неконтролируемые США возможности монетизации надпространственных коммуникаций. Ситуация вокруг Тик-Тока выявила и другую сторону: невозможность эффективного противоборства в надпространственных системах без административного воздействия, фактически, направленного на разрыв единого глобального информационного пространства. «Белый дом поддержал законопроект о запрете TikTok. Сенатор Уорнер: Белый дом поддержал законопроект о запрете на использование TikTok». РИА Новости. 26.03.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230326/tiktok-1860762429.html?ysclid=lgxkrj7dd0632091660> (дата обращения: 17.12.2023).

Запада», причем не только страны пресловутой группы PIGS, отстававшие в социальном стандарте от стран-лидеров западного мира, но и крупные промышленные страны, проигравшие борьбу за статус региональных инвестиционных центров. Это вполне вписывалось в концепцию «большой геоэкономической трансформации», которая предлагалась «давосским консенсусом» пост-ковидному миру [16]. Это само по себе уже приводило к фундаментальной перестройке глобального экономического пространства, что неизбежно требовало бы перестройки и пространства политического и военно-политического. Страны промышленной периферии не могли иметь военно-политического потенциала, выходящего за рамки «полицейского».

**Ресурсная периферия.** Ее функции практически не менялись, за исключением того, что США в последние 15 лет всячески противодействовали попыткам ее индустриализации и модернизации, о чем легко судить по отношениям США с Саудовской Аравией, где США попытались затормозить амбициозную программу индустриализации «Видение 2030» или Бразилией, где американские ТНК добились больших успехов в разгроме авиационной промышленности и стремились десуверенизировать нефтяную. *Главная идея — ресурсная периферия не должна выходить в развитии собственной промышленной базы за рамки «первого технологического передела».* Классическим примером развития страны в формате ресурсной периферии в понимании поздней глобализации на практике был Казахстан, подвергшийся в постсоветский период глубокой деиндустриализации, помимо демонтажа советского промышленного наследия, приведшей к глубокой социальной деградации и сопутствующей архаизации социальных отношений, во многом предопределившую остроту событий января 2021 г.

**Пространственная периферия,** выходящая за рамки «инвестиционного контура» глобальной экономики, но остающаяся частью пространства социальной модернизации и формирования локальных вариантов «общества потребления» универсалистского типа. Принципиальной разницей с «Ресурсной периферией» являлось то, что формирование индустриальных пространств происходило бы вдоль глобально и субглобально значимых логистических пространств с целью их обслуживания. В отношении этой страны вектором развития была десуверенизация и формирование «чересполосицы суверенитетов».

**«Четвертый мир»**, своего рода «великая пустость», — пространства, выведенные за рамки системы синергичного глобального развития и вовлекаемые в глобальные процессы только ситуативно, манипулируемые и сохраняемые в относительно стабильном пространстве только за счет внешнего управления и помощи. И пространство «четвертого мира» совершенно не обязательно должно было совпадать с понятием «развивающийся мир» времен «холодной войны». История поздней глобализации видела массу примеров относительно быстрой не только деиндустриализации, но также и социальной деградации.

## Оценка модели

Привлекательность формировавшейся геоэкономической архитектуры заключалась в:

- формировании системы «буферов» между американской экономической системой и экономиками других стран, что минимизировало внешнее дестабилизирующее воздействие на мировую экономику (как это было в период так называемого «Азиатского финансового кризиса» 1997–1998 гг.). Экономическая нестабильность при завершении построения указанной выше модели могла только сбрасываться вовне США, но не импортироваться;
- множественности точек взимания ренты. Любой «стык» между геоэкономическими слоями создавал возможность монетизации того или иного вида ренты и превращения ее в инвестиционно-спекулятивные инструменты. Взаимодействие «на



стыках» обеспечивалось бы американскими корпорациями: финансовыми, консалтинговыми, технологическими компаниями, а также — ЧВК;

- возможности управления технологическим развитием даже крупных стран. Создание ситуации принципиальной невозможности функционирования относительно крупных рынков, дававших достаточную инвестиционную емкость;
- минимизации участия США в управлении военно-силовыми процессами, возможность сокращения военно-политических обязательств. В пространстве «Дикого поля» государство как таковое замещалось бы негосударственными структурами, корпоративными и социальными<sup>1</sup>;
- формировании системы экономических ограничителей возможностей региональных центров силы действовать без поддержки США и в противовес выстраиваемых ими, зачастую ситуативно, балансам сил.

Базовые параметры модели суммированы в табл.

Уместно сделать следующий вывод: модель отражала понимание в глобальных элитах неизбежности изменения политической архитектуры глобализации и невозможность пойти на сколько-нибудь значимые трансформации глобального финансово-инвестиционного капитализма. Предлагавшаяся модель, фактически, была нацелена на «разведение» экономических и политических (геополитических) аспектов глобализации с целью, с одной стороны, снизить бремя военно-политических обязательств для США, а с другой, создать ситуацию управляемой США конкуренции между «центрами силы», находившимися в разных стратах бывшей относительно единой полупериферии.

Разделение «промышленной полупериферии» на два уровня стало центральным геоэкономическим процессом поздней глобализации, в итоге обострившим базовые противоречия мировой условно «капиталистической» системы, усилившей противоречие не только на страновом, но и надстрановом уровне. В настоящее время мы наблюдаем процесс деиндустриализации Европы, но это, если смотреть в исторической перспективе, логичный системный результат трансформаций глобальной геоэкономической архитектуры, обостренный прямым военно-политическим конфликтом с Россией и сжатием «экономического времени». При отсутствии военно-политических факторов этот же результат был бы достигнут через 5–7 лет.

Сделаем вывод. *Конструировавшаяся архитектура уже в основе своей была двойственной: имея в качестве своей стратегической цели создание принципиально нового геоэкономического пространства, имела уже в качестве одной из своих целей геополитическое сдерживание усиления региональных центров силы, вероятно, считавшееся неизбежным в условиях торможения глобализации. Но одновременно эта система, осмысление которой необходимо отнести к середине 2000-х годов, а полноценную реализацию — на период после глобального финансового кризиса 2007–2009 гг., «структурно» и концептуально предполагала возможность использования инструментария, выходящего за рамки глобальной геоэкономической взаимозависимости и так называемой «мягкой силы».*

Система имела две взаимосвязанные черты: во-первых, неизбежность сокращения пространства вовлеченности в экономическую и социальную глобализацию (при относительной неограниченности вовлечения в социокультурную) и пульсирующего расширения социально-экономического «дикого поля». Во-вторых, необходимость поддерживать единство технологических стандартов в основных отраслях промышленности, предотвращая растущую угрозу возникновения замкнутых инве-

<sup>1</sup> Резкий рост востребованности ЧВК, аффилированных со странами коллективного Запада, в странах ресурсной периферии (в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке с перспективой распространения этой практики на Юго-Восточную Азию) был одним из важных аспектов новой геоэкономической архитектуры мира [6].

стиционно-технологических блоков. Они могли бы стать экономической основой для формирования потенциально опасных для США коалиций.

Это обеспечивало бы ситуацию *постоянно самоподдерживающегося «управляемого конфликта»* в зоне бывшей интегрированной полупериферии, когда США были бы всегда востребованы и как политическая сила, обеспечивающая институциональную устойчивость архитектуры, и как гарант дееспособности глобально-финансово-инвестиционного пространства.

Про политическое оформление этой системы «ступенчатой геоэкономики» и писал один из наиболее видных и откровенных идеологов «неоконсерватизма» Ричард Хаас, продвигая концепцию «бесполярного мира» [14], а в действительности мира с одним, но ситуативно, в кризисной ситуации проявляющимся «полюсом». Но в условиях управляемой деинституционализации системы глобальной политики. Это и было отправной точкой формирования так называемого «мира правил», определяемых ситуативно и локально.

Данная система могла бы быть охарактеризована как *стратегия геополитического лидерства, надпространственного доминирования и постепенной хаотизации*. Хаотизированные пространства передавались бы под контроль КНР как зависимой, сателлитной части симбиотической системы «Чимерики». Что, в свою очередь, ослабляло бы потенциал геоэкономической экспансии Китая в наиболее «ценные» с ресурсной и пространственной точки зрения регионы, коими на вторую половину 2010-х годов представлялись Ближний и Средний Восток, Южная Азия и Средиземноморье.

### **«Точки разрыва» новой глобальной геоэкономической архитектуры**

Важнейшей проблемой формировавшейся новой геоэкономической архитектуры оказалось то, что США просто не хватило времени на завершение ее окончательного оформления. Значительную роль в этом сыграло и значительное отвлечение ресурсов на противодействие России, начиная с воссоединения с Крымом, помимо общего политического эффекта, принципиально изменившего расклад сил в одном из ключевых в геоэкономическом плане регионов мира, — Северном Причерноморье. Приход к власти Д. Трампа и бюрократическая неразбериха также сыграли свою роль, но не настолько значительную, как считается: под сомнение ставилась не модель, как таковая, более того, Д. Трамп пытался даже ускорить ее формирование, но баланс конкретных экономических интересов внутри модели.

*К началу активной фазы кризиса — второй половине 2021 г. — глобальная экономика пришла в разбалансированном состоянии:* часть стран полупериферии, включая Россию, Турцию, Индию, Иран и Египет сохранили собственные инвестиционные возможности, которые пытались активно трансформировать в новые геоэкономические возможности. Но геоэкономика в актуальных исторических условиях по определению могла быть только силовой и показательно, что на данном этапе наибольших успехов добились Турция и Иран, которые изначально признали такой подход допустимым.

Другая, большая, часть таких стран, в частности большая часть постсоветского пространства, значительная часть стран Европы находилась в состоянии «межвидовой» конкуренции в относительно ограниченном пространстве «Большой Европы» и вызвала процессы кризиса Евросоюза (и особенно обострение ситуации в Средиземноморье) и спровоцировала выход Лондона из ЕС. В Азии право на превращение в центр «промышленно-технологической» полупериферии оспаривали Япония и Южная Корея, что и спровоцировало усиленную милитаризацию Японии. Это в совокупности с менее уязвимым статусом и контролем США над финансовой системой давало ей преимущественные шансы. Несмотря



**Функциональная нагрузка и перспективы развития базовых «страт» мировой гео-**  
Table. Functional load and prospects for the development of basic strata of

| Страта                                                             | Наиболее значимые страны/территории                                                                                                                                     | Экономические функции                                                                                                                                          | Промышленная база                                                                        | Политические и военно-политические функции                                          |
|--------------------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------------------------------------------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------------------------------------|
| Финансово-инвестиционное «ядро»                                    | Атлантическое побережье США                                                                                                                                             | Управление глобальными финансами<br>Формирование социального мейнстрима<br>«Кузница кадров» для новой глобализации                                             | Глобальные финансы<br>«Технологическая экономика» с акцентом на цифровое конструирование | Центр принятия стратегических решений<br>Решающий элемент региональных балансов сил |
| Постиндустриальные хабы ТНК                                        | Тихоокеанское побережье США<br>Сингапур<br>Контролируемые США финансовые центры в Европе (Франкфурт) и Азии<br>Великобритания (в варианте несuverенного симбиоза с США) | Перераспределение различных типов «ренты»<br>Операционное обеспечение региональных инвестиционных процессов                                                    | Виртуальная экономика<br>Отдельные технологические узлы<br>Венчурная экономика           | Трансляция мирового политического мейнстрима<br>Военных функций нет                 |
| Промышленно-технологическая (предпостиндустриальная) полупериферия | AUKUS<br>Европа<br>Китай (в варианте «Чимерика»<br>Симбиотическая связка Япония-Южная Корея                                                                             | Обеспечение локальных инвестиционных процессов<br>Обеспечение трансформации технологий в промышленную продукцию<br>Сохранение экономической синергии с «ядром» | Базовые отрасли реального сектора экономики<br>Машиностроение                            | Региональные полицейские в пределах союзнических отношений с США                    |
| Промышленная периферия                                             | Индия<br>Новые индустриальные страны<br>Турция                                                                                                                          | Обеспечение пространства глобализации в рамках                                                                                                                 | Массовое промышленное производство<br>Сборочные                                          | Массовые армии как часть контролируемых                                             |

Таблица

**экономической архитектуры времен поздней глобализации (авторский анализ)**  
the world geo-economic architecture of the late globalization (author's analysis)

| Социальное развитие                                                                          | Направления эволюции                                                                                                                                                                                  | Примечания                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                        |
|----------------------------------------------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Пост-постмодерн<br>Социальная атомизация в предельных формах<br>Сверхпремиальное потребление | Постпространственность<br>Предельная виртуализация и алгоритмизация процессов<br>Замена человека ИИ<br>Утрата социальности<br><b>Все больше разделение «ядра» и США как государства</b>               | Наличие потенциально альтернативных «ядер» финансовой системы (Лондон, Шанхай, Дубай) предопределяет неизбежность структурного финансового кризиса                                                                                                                                                                                                                |
| Постмодерн в формате сверхтолерантности<br>Социальность ощущений                             | Корпоратизация системы политического управления                                                                                                                                                       | Основа геополитического противоборства США с Китаем — возможность включить в систему контролируемых США постиндустриальных хабов прибрежные территории Китая                                                                                                                                                                                                      |
| Отстающее потребление в рамках потребительского универсализма                                | Два варианта: либо деградация до уровня промышленной полупериферии с утратой инвестиционной самостоятельности. Либо превращение в «ядра» макрорегионов на базе повышения военно-политического статуса | Потенциальные «ядра» контролируемых США макрорегионов в сценарии управляемой регионализации.<br>Политический статус зависит от способности США как государства сохранять контроль над региональными центрами силы.<br>Главный фактор неопределенности — способность США сдерживать развитие Китая как глобально значимой инвестиционной и технологической державы |
| Частичный возврат к социальному модерну<br>Новые идеологические конструкты                   | Борьба части стран страты за более высокий статус<br>Экспансия в «серые» пространственные и секто-                                                                                                    | Неизбежность расслоения «страты». Она структурно самая «неустойчивая»<br>Все зависит от способности                                                                                                                                                                                                                                                               |

| Страта                     | Наиболее значимые страны/территории                                              | Экономические функции                                 | Промышленная база                                                                                                  | Политические и военно-политические функции                                                |
|----------------------------|----------------------------------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------------------------------------------|
|                            | Египет                                                                           | единой системы технологических стандартов             | предприятия Легкая промышленность                                                                                  | США коалиций                                                                              |
| Ресурсная периферия        | Юго-Восточная Азия<br>Ближний Восток                                             | Обеспечение промышленной периферии ресурсами          | Промышленная переработка сырья 1-го, максимум, 2-го передела                                                       | Обеспечение внутренней «полицейской» безопасности с ограниченным участием ЧВК             |
| Пространственная периферия | Большая часть Евразии<br>Средний Восток                                          | Обеспечение устойчивости мировой торговли             | Очаговая сервисная экономика вокруг логистических коридоров                                                        | Обеспечение безопасности коридоров на экстерриториальной основе. Контроль пространств ЧВК |
| «Четвертый мир»            | Африканские страны (Судан, Уганда, Чад), ряд стран Южной Азии (Бангладеш, Бирма) | Поставка рабочей силы с низкими социальными запросами | Экономика выживания. Меново-бартерные системы с очагами, контролируемые ТНК по замкнутой экстерриториальной модели | «Замыкание» нестабильности внутри пространств. Самонейтрализация                          |

на то, что формирования нового субглобального англосаксонского «ядра» (формат AUKUS+) объективно центра региона в направлении Южной части Тихого океана. Иными словами, начало кризиса глобальной экономики пришлось на период активной конкурентной борьбы в наиболее динамичной страте глобальной экономики за статус, который велся, в том числе и с использованием военно-силовых средств. Перерастание политического кризиса вокруг Украины в военнополитический привело к легализации силовой экономики как средства глобальной и региональной конкуренции.

Важнейшей структурной «точкой разрыва» описанной геоэкономической архитектуры, вероятно, можно считать следующее противоречие:

Первоначально неизбежное нарастание диспропорций в подобной системе выразалось бы только в географических диспропорциях (о чем писал нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц [10]). Но на определенном этапе географическое сокра-

| Социальное развитие                                                                            | Направления эволюции                                                                                                                                                                                  | Примечания                                                                                                                                                                                |
|------------------------------------------------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Стагнация потребления товаров<br>Де-универсализация потребления                                | ральные зоны (например, в «серые» схемы мировой торговли).                                                                                                                                            | США контролировать конкретные страны                                                                                                                                                      |
| Разрыв уровня потребления между слоями, включенными и не включенными в глобальные системы      | Сокращение освоенного пространства<br>Утрата суверенитета<br>Возникновение пространств, управляемых ТНК                                                                                               | Корпоратизация моделей управления значимыми пространствами.<br>Нарастание несuverенности                                                                                                  |
| Нарастание социального диспаритета<br>Возникновение устойчивых очагов социальной архаики       | Утрата суверенитета<br>Возникновение пространств, управляемых ТНК                                                                                                                                     | Ключевой фактор развития — способность России запустить процессы евразийской интеграции и сохранить относительную экономическую целостность Евразии в рамках ресурсно-промышленной модели |
| Гуманитарная социальная стабилизация<br>Формирование среднесрочного социального карго-культула | Два сценария:<br>Первый. Попадание части пространств в «зону безопасности» новых центров силы.<br>Второй. Возникновение протогосударственных образований, опирающихся на модель «набеговой экономики» | Один из главных вызовов устойчивости системы «новой глобализации»                                                                                                                         |

щение пространства синергичного экономического развития неминуемо затронуло бы и «метрополию» глобализации. Перерастание географических диспропорций в структурные началось существенно раньше, чем предполагалось, а главное — начали затрагивать сами США, метрополию глобализации [5].

В наиболее радикальном сценарии даже США, вернее, их отдельные территории, постепенно превращались в защищенный «глобальный хаб» ТНК с «процессинговыми» функциями, с ориентацией на Тихоокеанское побережье США и отчасти юг Атлантического. Но значительную часть американской элиты как «консервативно-республиканской», так и «либерально-демократической» эта перспектива напугала. Возникали риски для поддержания относительно высокого уровня социально-экономической стабильности внутри самих США. Американская элита в начале 2010-х годов правильно оценила основные тенденции развития глобального геоэкономического пространства и задачи США.

Реиндустриализация в мягком формате была основой политики экономического развития США от Дж. Буша-младшего до Д. Трампа. При Дж. Байдене, она осуществлялась уже в условиях явной нехватки внешних инвестиционных ресурсов на фоне расширения инвестиционных потребностей<sup>1</sup>. С конца 2010-х годов приоритетом стало поддержание устойчивости «ядра» метрополии финансового капитализма, то есть финансового сектора США. Америке, вероятнее всего, не хватило времени для завершения задуманного, что и обусловило глубину политического кризиса 2022–2023 гг., а главное, остроту противоречий между государством, стремившимся через усиление ВПК и связанных с ней отраслей реального сектора к укреплению своего влияния в экономике, и «цифровиками», нацеленными на реализацию постпространственного мира и в отношении самих США. Развертывание сценария хаотизации в восточной оконечности Европы, приведшего к частичной деиндустриализации крупнейших промышленно развитых стран, ситуацию несколько улучшило.

Конструировавшаяся геоэкономическая архитектура содержала непреодолимое противоречие, гарантировавшее перманентную нестабильность системы. *«Пространственно» мир геоэкономической американоцентричности мог сужаться, более того, должен был сужаться, по мере выкачивания свободной ликвидности и исчерпания технологических заделов 1970–1990-х годов. Но «надпространственный» мир должен был оставаться не просто глобальным, — эта глобальность должна была быть только американоцентричной.* Мир должен был использовать контролируемые США каналы цифровых коммуникаций, прежде всего, финансовых. Даже, если страны (например, находящиеся в зоне периферии различных типов) выводились бы за рамки инвестиционных процессов.

Сама архитектура «пространства глобализации», а также невозможность полностью изолироваться от «великой пустоши», что доказал миграционный кризис 2015–2016 гг., предполагала увеличение количества «точек уязвимости», имеющих выраженную потребность в защите военными инструментами. Что ставило перед США опасную дилемму: либо сохранять доминирование в военно-политической сфере любой ценой, либо согласиться с превращением ряда стран, не исключая Китай и Россию, в военно-политические «центры силы». Они, конечно, не были и не могли быть «глобальными полицейскими», но им нужно было давать не только функции, но и права «макрорегиональных околоточных». Включая и право на реинвестирование значительной части ресурсной ренты по своему усмотрению.

Проектировавшаяся система предполагала расширение применения военной силы в политических и экономических целях. Это диктовало необходимость сохранения американского военно-силового доминирования на относительно длительную перспективу, что, в свою очередь, обуславливало критическую потребность развития ВПК и сохранения промышленной базы. Обновляемая система, предполагая использование относительно незначительных кризисов в качестве драйверов развития, и вполне используя геоэкономический эффект этих кризисов, была совершенно неспособна реагировать на кризисы большего масштаба, выходящие за рамки гибридных войн и конфликтов низкой интенсивности. Второй исходной точкой является критичность сохранения устойчивости социально-политической ситуации не только в США как метрополии, но и в «метрополии» коллективного Запада в целом, поскольку от этого зависела устойчивость функционирования контролируемых США надпространственных геоэкономических систем.

<sup>1</sup> Взрывной рост американского государственного долга с 13,5 трлн. долл. в 2010 г. (91,4% ВВП) до более чем 30 трлн долл. на начало 2022 г. (около 124% ВВП) является не «сбоем системы», а встроенной особенностью архитектуры глобальной экономики в том виде, как это мыслилось после кризиса 2008–2009 гг., когда стало понятно, что проблемы финансового сектора несанируемы без серьезных системных потрясений.

В конце 2010-х — начале 2020-х гг. обозначились три процесса, если не «обнулявших» преимущества новой геоэкономической архитектуры, то делавших эту модель слабоуправляемой:

Во-первых, запрос на появление региональных центров силы, способных управлять безопасным взаимодействием различных «уровней»-страт экономики и создавать относительно защищенное пространство. Отсюда и «восхождение Польши», успешно реанимировавшей считавшийся похороненным в начале 2010-х годов проект «Междуморье», имеющий устойчивую ресурсно-энергетическую базу. В этом же ключе лежат и геоэкономическая в своей основе активность Великобритании<sup>1</sup>, и резкая активизация Турции в создании так называемого «Турецкого мира», из политического концепта, которому Вашингтон благоволил, переросшего в геоэкономический, что создавало риски для интересов США (например, в Восточном Средиземноморье) [1].

Во-вторых, надпространственные системы должны были оставаться под полным контролем США, но кто является субъектом, осуществляющим этот контроль операционно (государство или корпорации), стало предметом внутренней конкуренции, создававшей постоянный конфликт и лазейки для третьих сил. И процессы национализации региональных сегментов информационного общества, обозначившиеся в период 2019–2022 гг. во многих странах — от арабских монархий до России, создавали экзистенциальную угрозу для геоэкономического доминирования США.

В-третьих, США как государство должно было сохранять безусловную внутреннюю устойчивость, а американская элита — консолидированность, не давая «центрам силы» играть на противоречиях. Любой внутренний кризис формировавшуюся геоэкономическую архитектуру дестабилизировал. Комментарии здесь излишни. Дилемма «лидерство или гегемония», сформулированная в свое время Зб. Бжезинским [2], разрешалась, во всяком случае, на период трансформации системы, в пользу «гегемонии», как единственного варианта, когда хаотизация сохраняла хотя бы отчасти управляемый формат [19].

Мы сталкиваемся с любопытным парадоксом. Геоэкономическая система, способная обеспечить *устойчивость американоцентричной глобализации во многом, если не во всем, зависела от способности глобализованного сегмента американской экономики реализовать проект «Чимерика»*, в основе своей предусматривавший и политико-ценностную конвергенцию, а также геополитическую гармонизацию. В тот момент, *когда проект «Чимерика» стал политически невозможен, глобальная геоэкономическая архитектура вошла в состояние острого кризиса.*

В этих условиях почти любой кризис системы, политический или экономический, произошедший на геоэкономически значимой территории, становился «фокусным» и создавал риск эффекта «домино». И многие действия стран «коллективного Запада» при доминировании США в контексте кризиса на Украине могут быть интерпретированы как направленные на сохранение возможности вернуться к строительству запланированной системы, несмотря на выявившиеся узвимости, выглядящей наиболее адекватно с точки зрения сохранения американоцентричности.

<sup>1</sup> Флагманский проект Великобритании — создание «оси» Лондон-Варшава-Вильнюс-Киев-Бухарест (Зеленский объявил о создании нового союза с Польшей и Великобританией. Интернет-портал RuBaltic.ru. 1 февраля 2022 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rubaltic.ru/news/01022022-zelenskiy-obyavil-o-sozdanii-novogo-soyuza-s-polshey-i-velikobritaniey/?ysclid=1h1uu9ez7456791781> (дата обращения: 28.02.2024), несколько видеоизмененный Специальной военной операцией России по демилитаризации и денацификации Украины. Также отметим нарастающие на протяжении всего 2022–2023 гг. информационно-политические манипуляции с целью получить более весомую роль при строительстве геополитического и геоэкономического блока AUKUS.



## Вместо заключения

Главный фактор, определяющий остроту нынешнего кризиса, — сочетание внутренних и внешних факторов нестабильности системы: незавершенность процессов геоэкономического переформатирования, связанный с десоверенизацией пространства «новой метрополии» глобализации, наложившийся на кризис внутренних систем государственного управления — с другой. Одна, подлинно глобальная, система еще не была не только окончательно оформлена, но находилась в начальных фазах формирования, другая — система ограниченно суверенного управления важнейшими экономическими пространствами на базе национальных государств и их коалиций, находилась к середине 2010-х гг. в состоянии деградации, но полностью демонтирована не была. А события 2014–2016 гг., легализовавшие принцип «силовой геоэкономики», обозначили то место в системе глобальных политических и экономических отношений, которое могут заполнить только национальные государства и их коалиции<sup>1</sup>.

США по различным, в том числе и сугубо политико-психологическим причинам, упустили время для адаптации политико-силовой структуры мира под новую архитектуру геоэкономики. Согласившись не столько с идеей целостных геоэкономических и геополитических «сфер влияния», сколько с «зонами безопасности», о чем и говорил в «мюнхенской речи» в 2007 г. В. В. Путин, хотя и только применительно к Евразии, где на тот момент сформировались условия для формирования системы пространственной экономической и технологической интеграции. Подобный же подход действовал у США по отношению к Турции. Разворот в этом направлении начал происходить только в начале 2020-х годов, когда США начали строить принципиально новую опорную систему в Европе.

Как показал опыт 2022–2023 гг., любое переформатирование архитектуры мировой экономики может быть полноценно осуществлено только через механизм структурного кризиса, не просто обнуляющий приоритет текущей рентабельности и операционной устойчивости больших систем (государств и корпораций), но создающий «пространство» для радикальных изменений и пере-освоения. Проблема в том, что предсказать масштабы этого кризиса заранее крайне сложно: исключение России из мировой финансовой системы такого кризиса не создало, а, например, увеличение рисковости грузоперевозок по вектору «Красное море — Суэцкий канал», если и не привело к принципиальному изменению характера мировой торговли, то в среднесрочной перспективе стимулировало перераспределение экспортных потоков.

Обратим внимание и на другие важные обстоятельства.

**Первое.** Неизбежность глубокого структурного кризиса обуславливается тем, что его очаг находится внутри центрального звена «ступенчатой» геоэкономической архитектуры — полупериферии, внутри которой происходит резкая поляризация статусов крупнейших стран, в том числе, связанная с процессами суверенизации/десоверенизации. Это означает, что интересы сторон особенно в случае, если речь идет о частично суверенных государствах-территориях с сомнительной в историческом плане легитимностью, носят антагонистический характер — или страны ресурсно-промышленной полупериферии добиваются более высокого статуса, либо их ждет скатывание в ресурсно-пространственную периферию и, затем, вполне возможно, — в хаотизацию. Даже среднесрочные цели, которые преследуют эти государства, опасны для США. В частности, такое техническое на первый взгляд действие, как концентрация на собственной территории технических средств, обеспечивающих финансовые коммуникации («суверенизация серверов»), создает у стран возмож-

<sup>1</sup> Евстафьев Д. Коалиционный суверенитет Евразии в эпоху «постэкономики» // Интернет-портал «Евразия.эксперт». 30 января 2023 года [Электронный ресурс]. URL: [https://eurasia.expert/koalitsionnyy-suverenitet-evrazii-v-epokhu-postekonomiki/?sphrase\\_id=50841](https://eurasia.expert/koalitsionnyy-suverenitet-evrazii-v-epokhu-postekonomiki/?sphrase_id=50841) (дата обращения: 20.02.2023).

ности хотя бы частичного управления, а как минимум, контроля над инвестиционными процессами, что подрывает монополию США в финансах и их условно «свободное» перемещение под американским контролем. Важно, что в актуальном мире происходит накопление технических изменений и их трансформация в структурные, результирующие при определенных условиях в политически значимые сдвиги архитектуры.

**Второе.** «Украинский кризис» пока не отменяет, а лишь переконфигурирует «ступенчатую геоэкономическую систему» поздней глобализации. Ибо она может существовать и относительно успешно функционировать пока управляющий центр системы («финансово-инвестиционное ядро» и «постиндустриальные хабы ТНК») остается в неприкосновенности. Утрата «периферийных» участков системы, даже пространственно ценных (таких как Украина или Казахстан) для «ступенчатой геоэкономической системы» не является критической до определенного момента. И когда наступит этот «момент», остается только предполагать, но очевидно, что «переход количества в качество» наступит в пространстве национализации ресурсной ренты и разрыва обеспечиваемых США связей в «мировой торговле». Поэтому критичным для Вашингтона является не столько разгром про-натовской Украины, сколько трансформации финансово-инвестиционной модели в России.

**Третье.** Признаком перехода системы мировой политики и экономики в фазу стабилизации станет начало полноценной новой институционализации пространственного типа для начала в рамках суверенитета «вестфальского» типа, но с учетом опыта коалиционной институционализации периода американоцентричной глобализации [7]. Важной особенностью этого процесса может стать формирование принципиальных различий в экономической и геоэкономической базе подобных пространств, а значит, и механизмах экономического роста, что не является концептуально непредвиденным фактором [9], но это обусловит различие в форматах институционализации.

## Литература

1. Аватков В. А. Сквозь кризисы к стабильному «неосманизму». Политические итоги Турции 2021 года // Свободная мысль. 2022. № 1 (1691). С. 115–126.
2. Бжезинский З. Выбор: Глобальное господство или глобальное лидерство. Пер. с англ. М. : Международные отношения, 2004. 288 с.
3. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. Изд. 2-е, испр. М. : УРСС: ЛЕНАНД, 2018. 304 с.
4. Евстафьев Д. Г., Цыганова Л. А. Постглобальная модель социального развития: диалектика преемственности и отрицания // Век глобализации. 2022. № 1 (41). С. 42–54.
5. Захаров А. Н. Перспективы реиндустриализации развитых экономик (США, Канада и Австралия) // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 1. С. 213–245.
6. Манойло А. В., Зайцев А. Я. Международно-правовой статус частных военных компаний // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 1. С. 47–55.
7. Романова Т. Дискурс о суверенитете Европейского Союза: содержание и последствия // Современная Европа. 2021. № 5. С. 32–44.
8. Слука Н. А. Геодемографические феномены глобальных городов. М. — Смоленск : Ойкумена, 2009. 317 с.
9. Спенс М. Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. М. : Издательство института Гайдара, 2013. 336 с.
10. Стиглиц Дж. Великое разделение: Неравенство в обществе или что делать оставшимся 99% населения. М. : Эксмо, 2016, 480 с.
11. Терборн Й. Города власти. Город, нация, народ, глобальность. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 472 с.
12. Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия. М : Альпина Пабlishер, 2019. 256 с.

13. Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка. М. : Издательство АСТ, 2017. 704 с.
14. Хаас Р. Мировой беспорядок. М. : АСТ, 2019, 320 с.
15. Цыганков В.В. Миросистемный анализ: «твердое ядро» и «защитный пояс» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20). С. 95–101.
16. Шваб К., Вэнхэм П. Капитализм всеобщего блага: новая модель мировой экономики. М. : Эксмо, 2022. 352 с.
17. Шумкоски Г. Глобальный трансфер неолиберальных моделей и доктрина суверенного государства // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2022. № 4 (22). С. 771–787.
18. Chase-Dunn Ch. Comparing World Systems: Toward a Theory of Semipheral Development // Comparative Civilizations Review. 1988. Vol. 19. N 19. Art. 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://scholarsarchive.byu.edu/ccr/vol19/iss19/3> (дата обращения: 15.02.2024).
19. Daalder I., Lindsay J. The Empty Throne. American Abdication of Global Leadership. New York : Public Affairs, 2018. 239 p.
20. Friedman T. The world is Flat. New York : Farrar, Straus and Giroux. 2005. 488 p.
21. Haas R. How a World Order Ends. And What Comes in Its Wake // Foreign Affairs. January/February. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-12-11/how-world-order-ends?cid=int-nbb&pgtype=hpg> (дата обращения: 15.02.2024).
22. Haas R. Present at the Destruction. Trump's Final Act Has Accelerated the Onset of a Post-American World // Foreign Affairs. 2021. January 11. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-01-11/present-destruction> (дата обращения: 15.02.2024).
23. Nye J.Jr. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence // Foreign Affairs, January, 24, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (дата обращения: 15.02.2024).

#### Об авторе:

**Евстафьев Дмитрий Геннадиевич**, профессор Института медиа Факультета креативных индустрий НИУ ВШЭ, профессор кафедры теории права и государства Российского университета дружбы народов (Москва, Российская Федерация), кандидат политических наук; devstafiev@hse.ru estd1212@yandex.ru

#### References

1. Avatkov V.A. Through crises to stable “neo-Ottomanism”. Political results of Turkey in 2021 // Free Thought [Svobodnaya mysl']. 2022. N 1 (1691). P. 115–126. (In Russ.)
2. Brzezinski Z. [The Choice: Global Domination or Global Leadership. New York: Basic Books, 2004. 256 p.]. Rus. ed.: Moscow n: International relations, 2004. 288 p.
3. Wallerstein I. [World-Systems Analysis: An Introduction. Duke University Press, 2004. 109 p.]. Rus. ed.: Moscow : URSS: LENAND, 2018, 304 p.
4. Evstafiev D.G., Tsyganova L.A. Post-global model of social development: dialectic of continuity and negation // Age of globalization [Vek globalizatsii]. 2022. N 1 (41). P. 42–54. (In Russ.)
5. Zakharov A.N. Prospects for the reindustrialization of developed economies (USA, Canada, and Australia) // MGIMO Review of International Relations [Vestnik MGIMO-Universiteta]. 2018. N 1. P. 213–245. (In Russ.)
6. Manoilo A.V., Zaitsev A.Ya. International legal status of private military companies // Herald of the russian academy of sciences [Vestnik Rossiyskoy akademii nauk]. 2020. Vol. 90. N 1. P. 47–55. (In Russ.)
7. Romanova T. Discourse on the sovereignty of the European Union: content and consequences // Contemporary Europe [Sovremennaya Evropa]. 2021. N 5. P. 32–44. (In Russ.)
8. Sluka N.A. Geodemographic phenomena of global cities. Moscow–Smolensk: Oikumena, 2009. 317 p. (In Russ.)
9. Spence M. [The Next Convergence: The Future of Economic Growht in a Multispeed World. UWA Publishing Crawley, W.A. 2011. 320 p.] Rus. ed.: Moscow : Publishing house of the Gaidar Institute, 2013. 336 p.

10. Stiglitz J. [The Great Divide: Unequal Societies and What We Can Do About Them. New York : W.W. Norton & Company, 2015. 464 p.]. Rus. ed.: Moscow : Eksmo, 2016, 480 p.
11. Therborn J. [Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global. London : Verso, 2017. 416 p.]. Rus. ed.: Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. 472 p.
12. Fukuyama F. [Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment New York : Farrar, Straus, and Giroux, 2018. 240 p.]. Rus. ed.: Moscow : Alpina Publisher, 2019. 256 p.
13. Fukuyama F. [Political Order and Political Decay from the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy. New York : Farrar, Straus, and Giroux, 2014. 672 p.]. Rus. ed.: Moscow : AST Publishing House, 2017, 704 p.
14. Haas R. [A World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order. New York : Penguin Press, 2017. 352 p.] Rus. ed.: Moscow : AST Publishing House, 2019, 320 p.
15. Tsygankov V.V. World-system analysis: "hard core" and "protective belt" // Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science [Tomsk State University Journal of Philosophy Sociology and Political Science]. 2012. N 4 (20). P. 95–101. (In Russ.)
16. Schwab K., Vanham P. [Stakeholder Capitalism: A Global Economy that Works for Progress, People and Planet. Hoboken, New Jersey : Wiley, 2021. 304 p.]. Rus. ed.: Moscow : Bombora, 2022. 352 p.
17. Shumkoski G. Global transfer of neoliberal models and the doctrine of the sovereign state // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia Series: International relations [Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya]. 2022. N 4 (22). P. 771–787. (In Russ.)
18. Chase-Dunn Ch. Comparing World Systems: Toward a Theory of Semipheral Development // Comparative Civilizations Review. 1988. Vol. 19. N 19. Art. 3 [Electronic source]. URL: <https://scholarsarchive.byu.edu/ccr/vol19/iss19/3> (accessed: 15.02.2024).
19. Daalder I., Lindsay J. The Empty Throne. American Abdication of Global Leadership. New York : Public Affairs, 2018. 239 p.
20. Friedman T. The world is Flat. New York : Farrar, Straus and Giroux. 2005. 488 p.
21. Haas R. How a World Order Ends. And What Comes in Its Wake // Foreign Affairs. January/February. 2019 [Electronic source]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-12-11/how-world-order-ends?cid=int-nbb&pgtype=hpg> (accessed: 15.02.2024).
22. Haas R. Present at the Destruction. Trump's Final Act Has Accelerated the Onset of a Post-American World // Foreign Affairs. 2021. January 11. [Electronic source]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-01-11/present-destruction> (accessed: 15.02.2024).
23. Nye J.Jr. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence // Foreign Affairs, January, 24, 2018 [Electronic source]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (accessed: 15.02.2024).

#### **About the author:**

**Dmitry G. Evstafiev**, Professor of the Institute of Media of the Faculty of Creative Industries of the Higher School of Economics, Professor of the Department of Theory of Law and State of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN) (Moscow, Russian Federation), Candidate of Political Sciences; [devstafiev@hse.ru](mailto:devstafiev@hse.ru), [estd1212@yandex.ru](mailto:estd1212@yandex.ru)